

Личность над временем

Зотова Елена Моисеевна,
старший преподаватель Северного
государственного медицинского
университета (г. Архангельск).

Хронотоп в художественной картине мира Бориса Шергина

Картина мира – одно из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие. Она представляет собой исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, это посредник в общении людей между собой в контакте различных сфер человеческой деятельности и культуры.

Понятие картины мира стало центральным в ряде наук таких, как культурология, этнография, психология, лингвистика. Представление о картине мира как некотором суммарном знании традиционно. Само понятие «картина мира» не всегда трактуется однозначно, так как к нему обращаются философы, психологи, нейрофизиологи, психолингвисты. Интерес к проблеме не ослабевает и в настоящее время, о чём свидетельствуют исследования северных лингвистов А. А. Камаловой, Т. В. Симашко и других. Проблема языковой картины мира является до сих пор недостаточно изученной.

Важнейшей составляющей картины мира являются пространство и время. М. М. Бахтин пишет, что «хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен»¹.

Термин «хронотоп» вводится М. М. Бахтиным: «Существует взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть их хронотопом (что значит в дословном переводе – “время-пространство”)²».

Поморье – это часть концептуализированного пространства в языковой картине мира Б. Шергина. Следует отметить, время и пространство в рассказах зависит от целевой установки автора, его жизненного опыта, социальных ценностей, закреплённых в его сознании.

Время и пространство, воссозданные посредством слова, не только указывают на особенности писательского мировосприятия, но и непосредственно участвуют в создании художественной «реальности» произведений, являются выражением индивидуальной картины мира автора. Создателем неповторимой художественной картины мира, совместившей сказовые фольклорные и литературные сюжеты и образы, выступил Борис Викторович Шергин.

Хронотоп большинства рассказов состоит из нескольких пространственно-временных структур. В художественном мире рассказа эти структуры взаимодействуют, что обусловлено тематическим

содержанием произведения: все они повествуют о жизни поморов, события происходят в Поморье. В рассказе значимыми являются пространственно-временные структуры, одна из которых, открывающая рассказ, может быть описана во взаимосвязи с природой Русского Севера. Мы можем выделить так называемое *природное пространство*. Его черты – разомкнутость, безграничность, пейзажность. Все произведения Б. Шергина связаны с Архангельском, Двинской землёй, Поморьем: «От студёного океана на полдень развеличилось Белое море, наш светлый Гандвик. В Белое море пала Архангельская Двина. Широка и державна, тихославна та река плывёт с юга на полночь и под архангельской горой встречается с морем. Тут островами обильно: пески лежат, и леса стоят. Где берег возвыше, там люди наставились хоромами. А кругом вода. Куда сдумал ехать, везде лодку, а то и кораблик надо»³.

В тексте часто встречаются описания пространства природы Поморья, но сам морской пейзаж у Шергина лаконичен. Один из самых выразительных даётся в тексте рассказа «Для увеселенья»: «Ближе к полуночи ветер упал. Над водами протянулись туманы. В тишине плеснул взводенок – признак отмели. Закрыли парус, тихонько пошли на вёслах. В этот тихостный час и птица морская сидит на камнях. Не шевелится. Где села, там и сидит, молчит, тишину караулит.

– Теперь где-нибудь близко, – шепчет мне Максим Лоушкин.

И вот слышим: за туманной завесой кто-то играет на гусях. Кто-то поёт, с кем-то беседует... Они это, Иван с Ондrejaном! Туман-то будто рука подняла. Заветный островок перед нами, как со дна моря всплыл. Камни вокруг невысокого взлобья. На каждом камне большая белая птица. А что гусли играли – это лёгкий прибой. Волна о камень плеснёт да с камня бежит. Причалили; осторожно причалили, чтобы птиц не задеть. А они сидят как изваяния. Всё как заколдовано. Всё будто в сказке. То ли не сказка: полуночное солнце будто читает ту доску личутинскую и начитаться не может»⁴. Описание природного пространства (летнего морского пейзажа) в этом рассказе соотносится с описанием пространства природы из рассказа «Двинская земля»: «В летние месяцы, как время придёт на полночь, солнце сядет на море, точно утка, а не закатится, только снимет с себя венец. И небо загорится жемчужными облаками, и вся красота отобразится в водах. Тогда ветры перестанут и вода задумается. Настанет в море великая тишина»⁵.

В своих произведениях Б. Шергин употребляет постоянные в его тексте метафоры, одна из них – дыхание моря: «Вода в море и реках не стоит без перемены, но живёт в сутках две воды – большая и малая, или полая и короткая. Эти две воды – дыхание моря. Человек дышит скоро и часто, а море велико: пока раз вздохнёт, много часов пройдёт. И когда начнёт подниматься грудь морская, наполняя реки,

мы говорим: «Вода прибывает». И подымается лоно морское до заката солнечного. И, постояв, вода дрогнет и начнёт коротеть, пойдёт на убыль. Над водами прошумит слышно. Мы говорим: «Море вздохнуло»⁶ («Двинская земля») и «Малая вода пошла на большую, и тут море вздохнуло. Вздох от запада до востока прошумел. Тогда туманы с моря снялись, ввысь полетели и там взялись жемчужными барашками. И птицы разом вскрикнули и поднялись над мелями в три, в четыре венца»⁷ («Для увеселенья»). В этой картине море представлено как живое существо, с дыханием моря связана жизнь поморов, отсюда и персонификация моря. Дыхание моря, приливы и отливы, которые бывают и на Северной Двине, оказывают заметное влияние на жизнь и работу поморов, такое дыхание характерно только для Белого моря, у Белого моря есть горло, как у человека.

Главенствующую роль играет художественное время. Обычно это время воспоминаний автора или персонажей-рассказчиков.

Пространство родного дома связано с мотивом единения людей, образом семьи.

«В Архангельском городе было у отца домишко подле Немецкой слободы, близко реки.

Комнатки в доме были маленькие, полы жёлтенькие, столы, двери расписаны травами. По наблюдникам синяя норвежская посуда. По стенам на полочках корабельные модельки оснащены. С потолков птички растопорщились деревянные – отцово же мастерство»⁸.

Воспоминания об атмосфере родительского дома переданы в рассказах «Детство в Архангельске», «Поклон сына отцу», «Миша Ласкин», «Рождение корабля» и в дневниковых записях. О детстве Шергин рассказывает не в прошедшем, а в настоящем и условно будущем времени: «В листопад-то придут в город кемские поморы, покроют реку кораблями»⁹ или – «Ягоды поспеют, отправимся в лес по морошку. Людно малых идёт»¹⁰, – воспоминания детства являются автору «живой реальностью».

Источником формирования картины мира Б. Шергина стали воспоминания о «детстве в Архангельске», семье, отношениях отца и матери, близких людей. Поморской традицией была большая семья, которая становилась самостоятельным коллективом как производственным, так и воспитательным. Воспитательные традиции складывались в семье и поддерживались общественным мнением. Главным условием нравственности являлась атмосфера семьи: раздоры и конфликты поморы стремились решить мирным путём. Семья считалась основой всей жизни, в ней усваивались все ценности.

Образцом поморского характера, воплощением отцовства показан Виктор Васильевич Шергин, отец писателя: «Отец мой, берегам бывалец, морям проходец, ленивой и спокойной жизни не

искал. <...> А отец мой много на веку работы унёс, много поту утёр на зною у машины, на людей тружаяся. Не давая себе покоя ни в дни, ни в ночи»¹¹. Шергин передаёт в рассказе «Поклон сына отцу» поучение отца избегать пустопорожних разговоров, пустого времени – «это живая смерть», не печалиться (то есть радоваться) и смерти не бояться, а в очерке «Запечатлённое слово» Шергин ставит своего отца в ряд северных мореходов и судостроителей, наделённых особым талантом – «художеством». Все свои нравственные качества – любовь, доброту, трудолюбие, творческое отношение к жизни – передал отец своему сыну, и Шергин, создавая образ отца, воспитателя, носителя и хранителя не только семейных ценностей, но и поморской культуры, умеет показать, каким должен быть отец, глава семьи. В традициях поморов было послушание и подчинение воле родителей, глубокое почтение к ним.

Образ матери в тексте воплощает лучшие черты не только поморской женщины, но и национального русского характера, которые передавались из рода в род: достоинство, скромность, преданность семье: «Мать, разумная, терпеливая. Дом, житьё-бытьё вела и правила, а я с сёстрами одну заботу знали – учиться»¹². Дар писателя и рассказчика Шергин унаследовал от неё: «Маменька мастерица была сказывать, умела и слушать... При случае и в будни что-нибудь вспомнит, как жемчуг, у неё слово катилось из уст. Прислуга, кухарка, кучер забудут про дела... мама ничего не скажет. Но уж в праздники прислуга была как гости. А делала мать больше, чем прислуга»¹³.

Особенностью идиостиля Б. Шергина в рассказах о детстве является и то, что он создаёт портреты своих родителей, не описывая их внешность, а показывая образ жизни, личность, взаимоотношения, характерные для поморской семьи: любовь, ласка, внимание, забота, доброта, требовательность, трудолюбие. Образ семьи представлен и в других рассказах Шергина, например, в рассказе «Митина любовь» герой говорит о жене: «Третий год с ней живу. Каждый день как в гостях гощу. Така хозяйюшка, така голубушка»¹⁴; Матвей из рассказа «Матвеева радость» нашёл в жене «помощницу неусыпную, друга верного»¹⁵. Не все семейные отношения складываются так безоблачно, но в картине мира Б. Шергина – это норма.

Основы картины мира закладываются в семье, семья – это род, народ, Родина. Особое отношение было у поморов к женщине как к олицетворению нравственных достоинств. Женщины Поморья были более самостоятельны, они ходили в море вместе с мужчинами, помогали им в опасном промысле:

«Смело глядит в глаза всякой опасности поморская женщина.

Помор Люлин привёл в Архангельск осенью два больших океанских корабля с товарами. Корабли надо было срочно разгрузить и отвести в другой порт Белого моря до начала зимы. Но Люлина

задержали в Архангельске неотложные дела. Сам вести суда он не мог. Из других капитанов никто не брался. Время было позднее, и все были очень заняты. Тогда Люлин вызывает из деревни телеграммой свою сестру, ведёт её на корабль, знакомит с многочисленной младшей командой и объявляет команде: «Федосья Ивановна, моя сестрица, поведёт корабли в море вместо меня. Повинуйтесь ей честно и грозно...» – сказал да так и удрал с корабля.

– Всю ночь я не спал, рассказывает Люлин. – Сижу в «Золотом якорю» да гляжу, как снег в грязь валит. <...> Тужу, что забойтся сестрёнка: время штормовое. Утром вылез из гостиницы и крадусь к гавани. Думаю, стоят мои корабли у пристани, как приколочены. И вижу – пусто! Ушли корабли! Увела! Через двою сутки телеграмма: «Поставила суда в Порт-Кереть на зимовку. Ожидаю дальнейших распоряжений. Федосья»¹⁶. («Двинская земля»)

Во время долгих морских промысловых сезонов, когда мужчины отсутствовали, женщины были полноправными хозяйками дома и делали всю мужскую работу («хозяйкой дом держится»). Отец и мать руководили трудом членов семьи равноправно. Основой воспитания детей в семье являлся труд. Шесть лет исполнилось – помогай отцу, матери. Семи-восьми лет мальчиков брали в плаванье, они не получали доли улова, а только кормились возле большаков. По названию чаек, которые жили и питались возле становищ, их прозвали зуйками. Они были заняты обслуживанием всего морского быта: припасали дрова, носили воду, помогали приводить в порядок снасти, промывали бочонки, отбирали рыбу, были на побегушках, но тяжёлая работа не подавляла ребят, а развивала их смелость и самостоятельность: «Домой едучи, в праздную минуту удивляют зуйки кто как может. Вот что творят: на верхушке мачты есть шарик – клотик. Назначают состязание: кто повернётся на клотике, тому приз. Ловкий парнишка доберётся до верхушки, ляжет там животом на шпиль, раскинув для равновесия руки, ноги, и вскружится в такой вершине, на полном ходу корабля, при качке. Внизу, на палубе, героя ждёт премия: баранка или копейная конфетка. Иногда калач повесят на конец реи (перекладина у мачты), и зуйки один перед другим ползут по качающейся рее, добывают эту награду. Такие вырастут – ничего потом не боятся»¹⁷. («Мурманские зуйки»)

Семья в картине мира писателя – идеальная форма жизни коллектива, в том числе и профессионального: как отца и мать, почитают судостроителя и кормщика Маркела Ушакова. («Ничтожный срок») На вопрос «Известен ли вам художественный мастер и мореходец Маркел Ушаков?» «работные люди» отвечают: «Ты бы ещё спросил, известны ли нам отцы наши и матери!»¹⁸. Герой рассказа «Егор увеселялся морем» говорит про команду своего судна: «Пятнадцать человек – все как одна семья», «морская дружина»¹⁹

Кормщики, лодейные мастера учат не только ремеслу, но и передают правила социального поведения, законы чести и совести, знания, которые не приобретаются по книгам, а передаются от человека к человеку: от Ивана Рядника, жившего в XVII в., и мастера Маркела Ушакова, умершего в 1701 г., передаются навыки кораблестроения и судовождения, равно как и умение жить в коллективе. Знаменитому мастеру Конону Ивановичу достались разные ученики: Олаф не отходил от мастера ни на шаг, а Василь загуливал, ввязывался в драки, позорил имя мастера. В ответ на сочувствие людей, что мастеру приходится платить штрафы и ходить по судам, отвечал: «Хоть вор, да мой, дак и жалко»²⁰, – и своей добротой и любовью, требовательностью и заботой добился послушания и уважения. За каждого ученика отвечает мастер, как отец за сына. Картина семейных и профессиональных отношений жизни поморов представлена в рассказах Шергина как элемент этнического самосознания, воплощающий архетипические черты. Эта картина мира, мировоззрение, философия предстаёт в произведениях писателя как художественная картина мира, выраженная особыми языковыми средствами и обращённая к читателю как наставление, пример, образец.

Единая пространственно-временная система образуется из автономных миров, связанных между собой отношением к ним автора и ведущего художественного образа – образа Поморья. Ключевую роль в структурировании хронотопа играет образ дома, который становится смысловой доминантой. Модель хронотопа строится концентрическими кругами.

Первый из них, внутренний, – это непосредственно дом, родной дом в Архангельске, где прошло детство.

Второй пространственный круг – это пространство, окружающее дом: Архангельск, Северная Двина, острова и прилегающее к реке пространство – Двинская земля.

Третий пространственный круг – пресветлый Гандвик – Белое море, острова, Новая земля, районы промыслов, морские пути.

Четвёртый круг – это пространство, размыкающее хронотопический ряд в бескрайний простор, *время вечности* (поскольку акцент делается на вневременных жизненных ценностях) можно наблюдать в таких произведениях Шергина, как «Новая Земля» (благодаря взаимной поддержке и силе духа герои-зверопромышленники сумели пережить долгую полярную зиму на Новой Земле), «Егор увеселялся морем» (герой этой новеллы нашёл силы отказаться от своей любви для счастья любимого человека), «Гость с Двины» (о настоящем бескорыстии и человеколюбии одного из русских купцов, жившего во времена новгородской вольницы), а также в сказе «Для увеселенья» (это история последних дней жизни двух корабельных плотников, которая становится лирическим сказом о

величии человеческого духа, бросающего вызов смерти). В этих произведениях разомкнутый характер хронотопа наделяется символическим значением. Он выражает идею превосходства духа над плотью, создаёт жизнеутверждающий пафос текста. События во всех этих рассказах связаны с пространством моря. Идею торжества жизни над смертью интуитивно осознают все положительные герои Шергина: корабельные мастера, кормщики, народные живописцы и поморские женщины – хранительницы не только семейных ценностей, но и поэтических традиций поморской культуры.

Все эти круги концентрически входят в пространство «Поморье» – страну поморов, живущую своими традициями, обычаями, создающую определённый тип характера, неповторимую культуру, такую дорогую для автора.

Примечания

¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 235.

² Там же.

³ Шергин Б. В. Изящные мастера : поморские были и сказания. М. : Мол. гвардия, 1990. С. 21.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Там же. С. 381.

¹³ Шергин Б. Слово о родимой стороне : из дневников разных лет / публ. и вступ. ст. Ю. М. Шульмана // Белый пароход. 1998. №1 (11). С. 59.

¹⁴ Шергин Б. В. Изящные мастера : поморские были и сказания. М. : Мол. гвардия, 1990. С. 184.

¹⁵ Там же. С. 214.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 103.

¹⁹ Там же. С. 162, 169.

²⁰ Там же. С. 39.